

Л. М. Савелов

**Из истории отношений
Москвы с Крымом при царе
Михаиле Федоровиче**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Л. М. Савелов

Из истории отношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче / Л. М. Савелов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 108 с.

ISBN 978-5-458-05648-9

Труд Л. М. Савелова содержит отписки и челобитные в посольский приказ посланника С.И. Тарабаева и ездивших с ним дворян – Петра Ивановича Савелова и др.

ISBN 978-5-458-05648-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ревичъ и осенью и сеѣ зимы въ Польской и въ Литовской землѣ война отъ Крымскихъ людей была ль“ и т. д. Отвѣты получались самыя подробныя, и между прочимъ наши посланники узнали, что „царь де и калга Крима не прочеть, богатыхъ людей и жидовъ грабять“, и что „на лѣто де ждуть въ Крымъ прежнего Джанбѣкъ Гирѣя царя з братомъ“, и хотя турецкой султанъ и писалъ къ крымскому царю и къ калгѣ, чтобъ они шли воевать Литовскую землю, но что „крымской царь хочетъ посылать въ Литву воевать сеѣ зимы лутчихъ своихъ мурзъ Гулика князя Дивѣва съ товарищи, а самимъ имъ въ войну не бывать, боятца турскова, чтобъ безъ нихъ на Крымъ не прислалъ Джанбѣкъ Гирѣя царя; а Джанбѣкъ Гирея царя и калгу Девлетъ Гирея царевича турецкой царь на лѣто хочетъ отпустить на Крымъ“. Эти свѣдѣнія оказались вѣрными. Дѣйствительно на слѣдующее лѣто Крымскій юртъ быдъ вновь во владѣніи Джанбекъ Гирея, изъ чего можно заключить, что дипломатическую миссію московское посольство исполнило не дурно, такъ какъ, повидимому, свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ Москву, были вѣрны. Только 19 октября 1627 г., т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выхода изъ Москвы, Тарбѣевъ достигъ Перекопа, гдѣ пробылъ сутки и двинулся дальше; 27 октября посольство было встрѣчено Сееръ-Газы-агой, который привелъ отъ хана лошадей, а 30 октября оно наконецъ вступило въ Яшлавъ, конечный пунктъ путешествія нашихъ посланниковъ.

Не успѣли наши посланники пріѣхать, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружили приближенные и родственники хана съ требованіями подарковъ. У Тарбѣева съ утра до ночи а иногда и ночью толкуются посланные отъ всевозможныхъ царевичей, царицъ, князей, мамокъ и т. п., и всѣ они торгуются и требуютъ большаго, чѣмъ имъ положено по росписи, при чемъ грозятъ, лаютъ и безчестятъ посольство. Пошлаетъ Тарбѣевъ поминки какому-нибудь ханскому казначею или конюшему, а тотъ ихъ не принимаетъ и возвращаетъ назадъ, требуя вдвое и себѣ и своимъ слугамъ; наши посланники клянутся, что у нихъ больше нѣтъ, но имъ не уступаютъ, и они, чтобъ государеву дѣлу поруки какой не учинить, навидываютъ еще нѣсколько собольихъ или кунныхъ шубъ, увѣряя, что это прибавлено изъ ихъ собственной рухляди. Но и это не помогаетъ, — крымскіе сановники твердо удерживаютъ свои позиціи, и мос-

ковскому посольству приходится уступить и исполнить требованія жадныхъ хозяевъ Крыма.

6-го ноября была назначена аудіенція у Магометъ Гирея, при чемъ наше посольство было особенно озабочено, чтобы при приѣмѣ не было никого изъ чужеземныхъ пословъ или гонцовъ, и настояло на томъ, чтобы при разговорѣ съ царемъ не надо было стоять на колѣняхъ.

Послѣ обмѣна первыми привѣтствіями и принявши царскіе подарки, Магометъ Гирей сталъ выговаривать по словамъ: „Государь въ грамотахъ своихъ и послы ево рѣчью мнѣ хорошо говорятъ, только де не то дѣлается съ ево государевы стороны, Астараханские люди и Донские казаки въ Крымскихъ юртехъ людей емлютъ и побиваютъ и лошади и животину отгоняютъ, а государь де ихъ не уймаеетъ, какая де государя вашего ко мнѣ правда, только де меня грамоты своими и послы ево рѣчью утешаютъ“. На это обвиненіе Тарбѣевъ и Басовъ отговаривались тѣмъ, что на Дону „живутъ воры, боярские холопы, забѣжавшіе отъ своихъ бояръ“, „тати и разбойники, убѣжавшіе отъ смертные казни“, и что кромѣ русскихъ воровъ тамъ и „татаровъ и литва и черкасы“, и что государь за тѣхъ воровъ не стоитъ, да и смирить то тѣхъ воровъ невѣдомо какъ, потому живутъ кочевнымъ обычаемъ не въ одномъ мѣстѣ, и тутъ жа предъявили хану и свои обвинения и просили Магометъ Гирея, чтобы онъ „такожъ государскую братцкую дружбу и любовь совершалъ, по томужъ заказъ учинилъ крѣпкой, чтобъ Крымские и Азовские и Казыева улусу и Дивѣева родства мурзы и улусные люди на Государевы Украины войною не ходили и людей въ полонъ не имали, а твой царевы люди на государя нашего землю приходятъ безпрестани, Государевымъ Украинамъ тѣсноту чинятъ ежелѣтъ отъ весны и до зимы, людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ...“. Но у хана была также отговорка, какъ и у московскихъ посланниковъ: „то молъ во всемъ виноваты Азовцы и Козыевскіе воры, а я про то не вѣдаю, они безъ моего вѣдома своровали, а крымскіе де люди въ Русь войною не ходятъ. Язъ-де Казыевъ улусъ уйму, а государь бы вашъ унять велѣлъ Астараханскихъ людей и Донскихъ казаковъ з Дону велѣлъ свестъ...“

Въ такихъ взаимныхъ укорахъ прошла бесѣда нашихъ посланниковъ съ ханомъ, который впрочемъ общалъ имъ скорый отпускъ.

На другой день началась опять прежняя волокита, прежнія недоразумѣнія изъ-за подарковъ.

Первое крупное недоразумѣніе возникло изъ-за ханскаго сына царевича Ахметъ Гирея, находившагося въ это время яко бы въ Царьградѣ, имени котораго не было въ росписи подарковъ, привезенныхъ московскими послами. Съ вопросомъ о подаркахъ для Ахметъ Гирея провозились нѣсколько дней. Одна сторона грозила въ случаѣ упорства взять силой и вдвое больше, чѣмъ требовалось вначалѣ, другая отговаривалась неимѣніемъ этихъ подарковъ и находила, что „Магометъ Гирѣй царь къ великому государю нашему не любовью оказуетца, а развратьемъ“; но разговоры и брань не помогали, приходилось раскопеливаться и давать безъ конца всѣмъ, кто бы ни явился за поминками, такъ какъ поддержкою имъ былъ всегда самъ ханъ, съ которымъ приходилось считаться и уступать всѣмъ назойливымъ требованіямъ, „не хотя Магметъ Гирея царя рожгнѣвать и чтобъ въ Государевѣ дѣлѣ порухи какой не учинить“.

Такъ проходили мѣсяць за мѣсяцемъ, и картина жизни нашего посольства было все та-же: татары требовали себѣ поминковъ, посланники отказывали, но затѣмъ, видя, что все равно придется уступить, посылали подарки съ толмачемъ; татары ихъ возвращали, съ оскорбленіями бросали въ лицо нашихъ посланниковъ, требовали большаго и въ результатѣ всегда получали желаемое.

Нѣсколько не въ обычномъ порядкѣ шли переговоры съ царевичемъ Нурадынь Азаматъ Гиреемъ, который въ памяти, написанной къ московскимъ посланникамъ относительно необходимыхъ ему подарковъ, назвалъ царя Михаила Ѳеодоровича королемъ, что дало право Тарбѣеву обидѣться и надежду хотя бы Азаматъ Гирею не дать того, что тотъ требовалъ, почему онъ и объявилъ посланнымъ царевича, что „Азаматъ Гирей царевичъ къ великому государю нелюбовью оказывается, не дружбою, пишетъ въ памяти своей великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца королемъ и великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи королевства не отъ такова царевича не захочетъ слышать, служатъ ему великому государю многихъ государствъ цари и царевичи и королевичи, а Азаматъ Гирей царевичъ такъ пишетъ великому государю

либо простотою своею, или будетъ съ государемъ въ дружбѣ быть не хочеть“. Но обмолвка царевича не принесла никакой пользы, такъ какъ послѣ ежедневныхъ переговоровъ и взаимныхъ угрозъ въ теченіе 16 дней вмѣшался въ дѣло ханъ, и нашимъ посланникамъ пришлось къ назначеннымъ по росписи подаркамъ прибавить „2 шубы кунныхъ, двѣ шубы бѣлыхъ хребтовыхъ, 8 шубъ черевыхъ, четверы цки хребтовыхъ, четверы цки черевыхъ, четыре пары соболей“; хотя для своего утѣшенія они и заявили, что даютъ изъ своихъ животншковъ, но это, конечно, нисколько не тронуло царевича.

Прошло 6 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ Крыму московское посольство, но никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ какъ о подаркахъ, не было. Но за это время событія въ Крыму сложились такъ, что Тарбѣву съ товарищи пришлось, пожалуй, съ сожалѣніемъ вспоминать о прошедшихъ дняхъ, когда ихъ всячески лаяли и поносили. Дѣло въ томъ, что свѣдѣнія, полученные еще осенью о возможности появленія въ Крыму бывшего хана Джанбека Гирея, оказались вѣрными, и нашему посольству пришлось неожиданно спастись бѣгствомъ въ жидовскій городокъ.

Вотъ какъ описываютъ Тарбѣвъ и Басовъ свои дальнѣйшія похождения въ донесеніи государю:

„И апрѣля, государь, въ 30 день на свѣту царь прислалъ къ намъ и велѣлъ бѣжать на спѣхъ въ жидовской городокъ, что Канъ-Темиръ пришелъ со всѣми людьми на Олму отъ Яшлова двѣ версты. И мы холопи твои пометавъ многую рухледишко свое и запасишко побѣжали на спѣхъ; а что твое государевы рухледи ухоронено было отъ грабежу, пороспродали кречатникамъ и арбачѣмъ вестъ; и какъ, государь, будемъ противъ Бакчисарай, и Алгазы ага выслалъ къ намъ людей своихъ и велѣлъ намъ ѣхать совсѣмъ къ себѣ на дворъ да и казаки бѣ де были у вастъ съ ружьемъ. И мы холопи твои отказали и побѣжали въ жидовской городокъ, и Алгазы ага насъ холопей твоихъ въ жидовской городокъ пущать не велѣлъ и ворота велѣлъ отъ насъ запереть. И мы стояли у жидовского городка половина дня, а Канъ-Темиръ за нами пришелъ тотчасъ, царя и калгу со всѣми людьми осадилъ, а самъ сталъ въ селѣ Выскиюрте¹⁾ и насъ въ жидовской городокъ одва пустилъ, и

¹⁾ Т. е. въ Эски-юртѣ.

Канъ-Темиревы люди всегда приходя къ жидовскому городку хотѣли клячи у насъ поимать, и мы холопи твои изъ жидовскаго городка съ ними бились безпрестани а стойлѣ Нурадынь съ Канъ-Темиремъ подѣ Багчисараемъ 3 недѣли и въ осаду посударь мы помирали голодною смертию; а царь и калга запасу намъ не дали; и пришли государь къ царю и къ калгѣ на помощь тысячь съ шесть запорожскихъ черкасъ, и Нурадынь и Кантемиръ покинувъ свои станы со всѣми людьми ходили противъ черкасъ и съ черкасы отъ Багчисарай версты съ четыре, на Алмѣ бой былъ весь день и убили у черкасъ тетмана Дороженка; а съ нимъ человекъ со сто черкасъ убили, а черкасы нагайскихъ людей человекъ съ двѣсти убили; а шли черкасы снарядомъ обоземъ и черкасы пришедъ стали въ Кантемиревыхъ станехъ, а Кантемиръ пошолъ подѣ Рафу (sic), а Нурадынь побѣжалъ къ Бѣлугороду, а царь и калга черкасамъ давали жалованье многое денги и платья и лошади и у насъ холопей твоихъ и у тошманей и у кречетниковъ и у арбачевъ, калга прихавъ къ намъ въ жидовской городокъ самъ лошади поималъ всѣ и роздалъ черкасамъ; и царь и калга съ черкасы и съ крымскими татараы пришедъ подѣ Каю Кантемиръ любилъ и Кантемиръ да князь Петръ Урусовъ ушли въ Каю не со многими людьми; и Магметъ Гирей царь Каю осадилъ и билъ по Каю изъ норяду и приступомъ ходили. Июня, государь, въ 21. день подѣ Каю моремъ пришли отъ Турскаго Джанъ бекъ Гирей царь да калга Девлетъ Гирей царевичъ, а съ ними 60. каторгъ да 20. кораблей и съ Магметъ Гирѣемъ царемъ и съ калго съ Шанъ Гирѣемъ царевичемъ Джанъ Бѣкъ Гирей царь и калга Девлетъ Гирей царевичъ подѣ Каю бились, только Магметъ Гирей царь и калга Шанъ Гирей царевичъ имъ сильны были черкасы, и мы холопи твои послали подѣ Каю Аигильдю Винокова, а съ нимъ послали къ тебѣ государю отписку, что въ Крымѣ дѣлосъ твое государеводѣло и что межъ ихъ въ Крымѣ дѣлаетца, а велѣли промышлять, будетъ есть подѣ Каю Донские казаки, и тое бѣ отписку отдать Донскимъ казакамъ и велѣли Донскимъ казакамъ говорить, чтобъ они тебѣ государю послужили, отписку къ тебѣ государю повезли не мѣшкая. И Аигилдя, государь, прихавъ къ намъ, сказывалъ, что онъ воротилъ изъ Карасова, что изъ подѣ Каю крымские татарова бѣгутъ въ дѣса, а сказывали ему тѣ бѣглецы татарова, что

крымскіе ближніе люди и всѣ крымскіе татаровя Магметъ Гирея царя и калгу покинули, и ближніе люди всѣ отъѣхали къ Джанъ-Бекъ Гирею царю, а Магметъ Гирей царь побѣжалъ въ лѣсъ самъ третей, а калга съ черкасы поймавъ нарядъ пошолъ въ Запороги и Джанъ-Бекъ Гирей царь послалъ за нимъ калгу Девлетъ Гирея царевича и Кантемира со всѣми нагайскими и крымскими людьми и послѣ того намъ татаровя сказывали, что Шанъ Гирея царевича съ черкасы калга и Кантемиръ дошли на степи и съ ними бились, шли за ними и ничего имъ не учинили, а Джанъ-Бекъ Гирей царь пришелъ въ Бакчисарай іюня въ 29 день.

А какъ, государь, отъ Бакчисарай Нурадынь и Кантемиръ побѣжали и покуда Джанъ-Бекъ Гирей царь въ Бакчисарай пришелъ, у крымскихъ татаръ межъ себя сѣча и грабежъ былъ безпрестани; а мы въ то время въ жидовскомъ городкѣ въ осадѣ сидѣли и помирали голодною смертью, хлѣба печеного и никакого жита и мяса купить не добыли, траву и коренья копая ѣли; а гдѣ, государь, добудемъ другомъ изъ подарковъ купить, и мы, государь, купили четверикъ пшеницы въ 15 золотыхъ, а барана въ 10 золотыхъ, а яловицу въ 20 золотыхъ и больши, а воду, государь, покупали ведро въ два алтына. А лѣтось, государь, въ Крымѣ была засуха, хлѣбъ и сѣна не родился, а намъ Джанъ Бекъ Гирей царь велѣлъ изъ жидовского городка ѣхать на Яшловской станъ іюля въ 3 день, и сидѣли, государь, въ жидовскомъ городкѣ въ осадѣ 9 недѣль, и что, государь, схоронено въ землю твой государевъ наказъ и росписи и деньги, что за расходомъ осталось и наши денжишка и рухлядишко и твой государевъ наказъ и росписи выкопано изодрано въ лоскутки и розметано по станомъ, а деньги, государь, и наши денжишка и рухлядишка все вынято жъ, и избенка, государь, наши, которые подѣланы были въ землѣ роскопаны и позжены; а какъ, государь, Джанъ Бѣкъ Гирей царь приполъ въ Крымъ въ Бакчисарай и мы къ нему царю посылали толмачей каждый день, велѣли ближнимъ ево людямъ говорить, чтобъ твой государевы люди напрасно голодомъ въ Крымѣ не помирали; и царю, государь, въ тѣ поры было недосугъ, недѣли съ двѣ отпущалъ турскихъ людей, збиралъ полонъ у мурзъ и у татаръ и у жидовъ, давалъ турскимъ людямъ.

А какъ, государь, турскихъ людей царь отпустилъ, и

къ нему царю съѣхалось царевичи и Кантемиръ князь и всѣ князи и мурзы и Кантемиря царь къ себѣ не пушталъ день съ 5, а велѣлъ ему царь шертовать, чтобъ онъ ему царю служилъ и велѣлъ де ему царь говорить, что ты скъзываешься въ Крымѣ другой царь и хотѣлъ ты Магметъ Гирея царя и калгу Шанъ Гирея царевича убить, а турской де царь тебя о томъ на Крымѣ не посылалъ, что ихъ побить. И Кантемиръ Джанъ Бекъ Гирею царю шертовалъ и саблю де на себя передъ царемъ класть.

И Джанъ Бекъ Гирей царь его пожаловалъ и отъ себя отпустилъ. И мы къ царю посылали толмачей, чтобъ царь велѣлъ намъ быть у себя, говорить о нашихъ государскихъ вопчихъ дѣлахъ, и царю было недосуть, выбирать ближнихъ людей кому у него царя быть въ которомъ чину и на чье мѣсто; и учинилъ царь въ Алгазы агино мѣсто Усманъ агу, а и Алгазы ага у калги на Тат-Кирѣва княжое мѣсто, а Усманъ ага пришесть съ нимъ царемъ изъ Царя города“.

Послѣ такихъ приключеній нашему посольству приходилось вновь начинать переговоры съ новымъ ханомъ, при чемъ перемѣна правителя влекла за собой новые расходы, такъ какъ около новаго хана были и все новые саповники, которые требовали и себѣ поминковъ, не обращая вниманія на то, что все, что было привезено Тарбѣвымъ, было роздано ихъ предшественникамъ и что само посольство было, надо думать, въ очень незавидномъ состоянїи, будучи ограблено и отсидѣвши 9 недѣль въ осадѣ.

По приѣздѣ въ Яшлавъ, посланники начали добиваться свиданія съ Джанбекъ Гиреемъ, но онъ отговаривался все недосугомъ, и только лишь 19 іюля объявилъ Тарбѣву, что если онъ желаетъ его видѣть, то долженъ поднести ему десять сороковъ соболей, двѣ шубы соболю, двѣ шубы куньихъ, двѣ пары кунецъ, 2 пары соболей добрыхъ. На этотъ разъ Тарбѣву приходилось искренно доказывать, что у него всего этого нѣтъ, такъ какъ онъ былъ ограбленъ Магметъ Гиреемъ, что, конечно, сознавалъ и самъ Джанбекъ Гирей и его приближенные, почему поминки были уменьшены, согласно заявленію Тарбѣва, и ему было разрѣшено поднести то, что онъ въ состоянїи былъ купить на мѣстѣ, а подарки для Усманъ аги пришлось посудить въ будущемъ; иначе въ противномъ случаѣ ему грозили, что

ханъ его не приметъ и не разрѣшитъ послать въ Москву гонцовъ.

Нужно замѣтить, что если самому Тарбѣеву приходилось плохо, и онъ „живучи въ Крымѣ одоужалъ и проѣлся и изъ Крыма поднятца было не чѣмъ“, то положеніе его 20 дворянъ было несравненно тяжелѣе; всѣ они принадлежали къ небогатымъ подмосковнымъ помѣщикамъ и получали помѣстные оклады въ 300—400 четей, а денежные отъ 7 до 18 рублей (18 руб. получалъ только одинъ), съ которыхъ и должны были нести тяжелую службу конно, людно и оружно. Правда, отправляясь въ Крымъ, они получили подмоги по годовому жалованью да на запасъ по 2 рубля, но, принимая во вниманіе ихъ потери одними лошадьми (напримѣръ у Петра Ивановича Савелова погубило и отобрано было татарами 6 лошадей), не говоря уже о разной „рукледишки“, нужно признать, что положеніе ихъ дѣйствительно было почти безвыходнымъ, тѣмъ болѣе, что имъ неизвѣстно было, пожелаетъ ли правительство вознаграждать ихъ за понесенные на царской службѣ убытки и не потребуетъ ли оно уплаты по тѣмъ кабальнымъ письмамъ, которыми они въ обиліи снабдили Тарбѣева, что подробно излагаетъ въ своемъ челобитьи П. И. Савеловъ: „и какъ, государь, мы, холопи твои, побѣжали изъ Яшлова въ жиловскій городокъ и бояся грабежу отъ нагайскихъ людей, которое, государь, у насъ было рухледишко хоронили въ землю, и тое, государь, у насъ рухледишко татаровя узнали, выкопали, и нынеча, государь, мы холопи твои въ Крымѣ умираемъ голодною смертію и ограблены; изъ Крыму, государь, намъ поднятца не на чемъ, а въ Крыму, государь, мы заняли изъ твоей государевой казны у твоего государева посланника у Степана Ивановича Тарбѣева да у подъячево у Ивана Басова на челоуѣка по тринадцати рублей съ полтиною денегъ, да мы жъ холопи твои заняли въ Крыму у царева гонца у Османа на челоуѣка по три рубля“¹⁾.

20-го іюля, наконецъ, состоялся приѣмъ посланниковъ, которые здоровали Джанъ Бекъ Гирея царя на государствѣ его, на Крымскомъ юртѣ; ханъ, получивши предварительно подарки, обошелся съ Тарбѣевымъ и его товарищами ласково и сказалъ имъ, что „слышалъ де онъ отъ ближ-

¹⁾ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Дѣла Крымскія 1628 г. Связка 12, дѣло № 14.

нихъ людей отъ Олгозы аги да отъ татаръ Алибека, что отъ Магметъ Гирея царя и отъ калги Шанъ Гирея царевича посольству была тѣснота и грабежъ и насильство“; но это, говорилъ онъ, они дѣлали „не гораздо, не по царски; не проча себя въ Крымѣ“ и обѣщали, что при немъ они будутъ жить въ покоѣ, потому что они, государевы посланники, въ Крыму гости, а гостей надобно жаловать и беречь, а такъ дѣлать, какъ дѣлалъ Магметъ Гирей, онъ не хочетъ.

Наши посланники не упустили случая сорвать свою злобу на бѣжавшемъ Магметъ Гирей и объявили, что если бы онъ оставался на Крымскомъ царствѣ, то великій государь за его неправду и грабежъ „ссылку бы съ нимъ урвалъ и посланниковъ своихъ съ поминки для ихъ грабежу и насильства въ Крымѣ не посылалъ бы“.

Нужно отдать справедливость Джанбекъ Гирею, что такого грабежа и насильства надъ московскимъ посольствомъ, какъ при Магметъ Гирей, теперь мы не встрѣчаемъ, и въ отпискахъ посланниковъ хотя и говорится о различныхъ требованіяхъ поминковъ, но несравненно больше мѣста отводится переговорамъ относительно взаимныхъ сношеній Москвы съ Крымомъ.

Всего посольство Тарбѣева пребыло въ отсутствіи 2 года и вернулось, повидимому, около октября 1628 г., такъ какъ къ этому времени относятся челобитныя Тарбѣева и Петра Савелова съ товарищи, въ которыхъ они просятъ „Милосердаго Государя пожаловать ихъ для ихъ службишки и великаго крымскаго многого терпѣнья, за ихъ убытки чѣмъ Богъ извѣститъ, чтобъ имъ впредь отъ царской службы не отстать и въ великихъ долгахъ стоячи на правей замученнымъ не быти“.

Убытки были исчислены отъ 80 до 100 р. на человѣка и возвращены имъ „въ полы“ ихъ челобитья, и кромѣ того за службу всѣмъ даны помѣстныя и денежные придачи, конечно все это въ скромномъ размѣрѣ¹⁾.

Такъ окончилась богатая приключеніями посылка Тарбѣева, но не всѣмъ пришлось долго отдыхать отъ нея. Въ слѣдующемъ же году (1629 г.) одному изъ дворянъ Тарбѣева—П. И. Савелову пришлось опять ѣхать въ Крымъ, и опять, какъ и въ 1626 г., встрѣтился онъ со старымъ знакомцемъ—княземъ Сулешевымъ, который не измѣнился за эти 3 года отъ своей дурости и, какъ только посольство

¹⁾ Тарбѣеву дано придачи 40 р., Савелову 20 четей и 3 р. деньгами.

перешло Донецъ, бѣжалъ день и ночь, такъ что пришлось растерять лошадей и „метать ружьедь“. По посольству 1626 г. уже не пришлось терпѣть осаду и голодь, и вернулось оно сравнительно благополучно и безъ особыхъ приключеній.

О посольствѣ С. И. Тарбѣева въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранились слѣдующія дѣла и документы:

1) Отправленіе въ Крымъ въ посланникахъ Степана Тарбѣева и подъячаго Ивана Басова съ государевыми къ царю и ко веѣмъ его чиновникамъ грамотами и подарками.

2) Отписки въ посольскій приказъ отправленныхъ въ Крымъ посланниковъ Тарбѣева и подъячаго Басова. — Тутъ же и отпуски къ нимъ государевыхъ грамотъ.

3) Отправленіе на Волуйскую посольскую размѣну пословъ окольногочаго князя Данилы Долгорукова и дьяка Ивана Михайлова для отпуску оттуда въ Крымъ посланниковъ Степана Тарбѣева и подъячаго Ивана Басова.

4) Отписки въ посольскій приказъ отправленныхъ въ Крымъ посланниковъ Тарбѣева и Басова по день отъѣзда ихъ въ Крымъ. — Тутъ же и отпуски грамотъ къ нимъ, посланникамъ, и къ крымскому царю.

5) Отправленіе на Волуйку Володимера Ляпунова и подъячаго Селетцына съ посылкою въ Крымъ подарковъ для отдачи посланнику Тарбѣеву и отписки ихъ въ посольскій приказъ.

6) Отписки въ посольскій приказъ посланниковъ Тарбѣева и Басова, присланные съ разными гонцами. — Тутъ же и отпуски государевыхъ къ нимъ грамотъ.

7) Отправленіе на Волуйскую посольскую размѣну окольногочаго Ѳедора Вутуршина и дьяка Воина Трескина для принятія идущихъ изъ Крыму какъ російскихъ посланниковъ Тарбѣева и Басова, такъ и новыхъ идущихъ оттуда крымскихъ пословъ.

8) Отправленіе въ Крымъ служилаго новокрещеннаго татарина Василя Зянгильдѣева къ Російскимъ въ Крыму бывшимъ посланникамъ Тарбѣеву и Басову съ государевыми грамотами.

9) Дѣло по челобитнымъ посыленныхъ въ Крымъ съ посланникомъ Тарбѣевымъ арбачеевъ Петра Литвинова съ 26 товарищи о награжденіи ихъ за службу для уплаты долговъ.